

жение по улицам города фургонов с надписью «Мясо» (ему невдомек, что в таких фургонах гэбисты развозят заключенных)...

Нельзя не отметить, что в эпоху гласности, когда политический анекдот исчезает за ненадобностью, так как общественная жизнь приучила к обнаженной анекдотичности повседневных ситуаций, басни Крылова то и дело приходят на ум. И это, конечно, тоже не случайно. Продолжая мощную литературную традицию, баснописец Крылов был писателем нового времени. Сатира его, как правило, социальна, а сам поэт предстает проницательным психологом, воспроизводя склад ума и чувств всех российских социальных групп и слоев, более стойкий, нежели политическая система. В этом отношении он прямой предшественник Салтыкова-Щедрина.

Упомянем в этой связи издание басен Крылова (СПб., 1864) с иллюстрациями академика Трутовского, в которых выявлен — только на первый взгляд неожиданный — актуальный смысл нестареющих анекдотов, прямо аукнувшийся в эпоху великих реформ Александра II. Было бы любопытно повторить подобное издание сейчас, сопроводив его, возможно даже, фотографиями, — особенно такие басни, как «Синица», «Лягушки, просящие царя», «Ручей», «Раздел» и т. д. и т. п. — вплоть до последней крыловской басни «Вельможа».